

На правах рукописи

Царегородцева Оксана Викторовна

**РУССКИЕ СВЕТОБОЗНАЧЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ
КОНТЕКСТЕ
(СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2009

Работа выполнена на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук,
доцент
Леушина Лилия Трофимовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Панин Леонид Григорьевич

кандидат филологических наук,
доцент
Нечипуренко Нина Георгиевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Защита состоится 25 декабря 2009 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (г. Томск, пр. Ленина, 34а).

Автореферат разослан __ ноября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, профессор

Л.А.Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное сочинение посвящено исследованию семантики светообозначений русского языка в индоевропейском контексте.

Особенности семантики «световой» лексики освещались в ряде работ. Световая лексика изучалась на уровне синхронии (О.Н. Селиверстова, О.Н. Заикина, Ж. Ю. Полежаева), на уровне диахронии затрагивались некоторые проблемы светолексем (В. И. Мажюлис), в русле мифолого-символического исследования световой лексики написаны работы А. Н. Афанасьева, А. А. Потевни. В последнее время появляются работы, посвященные исследованию понятий света и тьмы в творчестве отдельных писателей (М. Н. Панкратова), в пределах религиозных текстов (М. А. Садыкова). Возросший интерес к проблемам светообозначений свидетельствует об актуальности темы в современной науке. Недостаточно изучена этимология и история светообозначений, информация о формировании и происхождении светообозначений сосредоточена главным образом в словарях разного типа (исторических и этимологических) при отсутствии обобщающих работ по светолексемам.

Актуальность содержания и результатов настоящего исследования обуславливается несколькими особенностями современной, в том числе отечественной, лингвистики, в которой актуальна практика «изучения культур через посредство ключевых слов» (А. Вежбицкая); по показаниям различий в значениях этих слов и их употреблений определяются глубинные различия культур (например, работы А. Вежбицкой о неуниверсальности человеческих эмоций, о различии понятий «свобода», «дружба» в разных языках).

Изучение семантики в этимологических исследованиях является одним из центральных направлений современной науки. Проблемы семантической реконструкции отдельных слов и их различных группировок освещались в отечественной лингвистике в ряде работ, начиная с исследований М.М. Покровского (XIX в.) и заканчивая современными изысканиями в этой области, это работы Р. А. Будагова, Ю.В. Откупщикова, О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, Ж. Ж. Варбот, С. М. Толстой и других.

Актуальным в современных исследованиях является установление семантических параллелей, устойчивых моделей в развитии семантики. Еще М.М. Покровский отмечал, что «слова со сходным значением проходят сходную семасиологическую историю», то есть семантические изменения имеют свои закономерности. Очевидно, что изучение «изосемантических рядов» (С.С. Майзель, В.П. Старинин) в разных

группах лексики может стать важным для реализации принципа системности этимологических и семантических исследований, что не раз подчеркивалось в работах ведущих этимологов (Ю. В. Откупщиков, О. Н. Трубачев и др.).

Каждое слово в отношении к мотивации может быть мотивированным и мотивирующим, в лингвистической литературе эта способность слова получает названия «реципиентно-донорские» отношения, «внутренняя – внешняя» мотивация, «левая – правая» мотивация, «пассивная – активная» мотивация (С. М. Толстая). В этой парадигме соотношений «внутренняя», «левая», «пассивная» мотивации представляют собой мотивированность слова (слово предстает как реципиент), а «внешняя», «правая», «активная» мотивации означают способность слова мотивировать другую номинацию (слово предстает как донор). Изучение семантических параллелей (семантических универсалий, семантических моделей) в группах лексики представляет собой, по сути, изучение мотивационной способности слова, его донорско-реципиентных отношений.

Этимология как лингвистическая дисциплина позволяет выявить подлинные семантические связи между разного рода лексическими структурами языка и понять смысловое содержание слова, этимологию можно представить как науку «о мотивационных связях и основах номинации» (К.-П. Херберман).

В лингвистической литературе высказывались предложения о «каталогизации» семантических моделей, о составлении универсального словаря семантических переходов (А. А. Зализняк, О.Н. Трубачев), для этого необходимо провести исследование семантики множества различных групп лексики, так как разрозненная информация о словах из этих групп содержится только в разного рода словарях. Следовательно, принципиально важным представляется написание обобщающих работ, касающихся истории и этимологии слов из различных групп лексики в аспекте проблемы семантической эволюции, что позволит выйти на качественно иной уровень исследования лексики. Наше исследование представляет собой описание особенностей эволюции семантики слов со значением ‘свет’ в русском языке в сопоставлении с описанием эволюции и.-е. светообозначений, что позволяет говорить об универсальности/ неуниверсальности семантических моделей в группе слов со значением ‘свет’.

Научная новизна и значимость работы определяется тем, что в ней впервые в полном объеме проведен анализ семантики светолексем в аспекте их истории и этимологии. Впервые на данном материале и в пределах одной работы использован прием сопоставления развития

семантики современных светолексем с индоевропейским контекстом – словами, генетически восходящими к основам со световой семантикой. В работе выявлены закономерности семантической эволюции и выдвинуты гипотезы относительно семантики некоторых слов, входящих в базисную сферу культуры.

Также в работе описаны семантические поля, с которыми поле «свет» вступает во взаимодействие, что делает это исследование значимым не только в пределах лингвистики, но и культурологии.

Объектом настоящего диссертационного исследования являются единицы литературного языка, обозначающие свет (*свет, блеск, солнце, заря* и т.д.), действие светового излучения (*сверкать, сиять, светить, искриться* и т. д.), качество света (*яркий, ясный, белый, бледный* и т. д.), слова, объединенные с ними семантико-деривационными связями, а также индоевропейский световой контекст русских светолексем. Под индоевропейским контекстом мы понимаем круг слов, генетически восходящих к и.-е. корням со световой семантикой, но утративших значение света в современном русском языке. Включение в объект исследования рефлексов и.-е. светообозначений обусловлено необходимостью изучения семантической деривации светолексем на более ранних этапах развития языка. Этот прием совмещения в одном диссертационном сочинении исследования русских светолексем и рефлексов и.-е. светолексем позволит создать более полную картину возможных семантических моделей с мотивирующим световым значением, а также широко представить те сферы, для которых световое значение является донором. Для номинации лексических единиц со значением света, составляющих объект нашего исследования, мы используем термины *светолексема, светообозначение*, принятые в лингвистической литературе (О.Н. Заикина, Ж. Ю. Полежаева). Способом сбора материала является прием сплошной выборки слов со значениями ‘свет’, ‘светить’, ‘светлый’ из Малого академического словаря русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, для сбора тех слов в русском языке, которые восходят к и.-е. корням со значением света, но утратили световую семантику (для определения и.-е. контекста) использовался материал этимологического словаря Ю. Покорного (*Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*). Всего проанализировано 28 этимологических гнезд в первой главе диссертации, 9 этимологических гнезд во второй главе.

Предметом исследования стали особенности формирования и развития семантики светолексем (русских и индоевропейских) и деривационные связи светообозначений как источник информации о культуре народа.

Не раз в лингвистической литературе подчеркивалось, что регулярные семантические модели, или «внешние» мотивационные

модели, представляют собой еще одно измерение системной организации лексики» (С. М. Толстая), то есть сходные регулярные модели семантических переходов для генетически не родственных, но семантически подобных лексем могут послужить той лингвистической категорией, с помощью которой мы сможем описать особенности реализации семантики исследуемой световой лексики.

Помимо того, исследование производящих, или «донорских», свойств слова и других языковых единиц обеспечивает возможность «культурной реконструкции», т. е. извлечения культурной информации (представлений о мире) из семантических мотивировок» (С. М. Толстая), так как в поисках мотивационного признака, причины номинации, исследователь обращается «к ментальным образам, мифологическим представлениям, ритуальной сфере или практическому опыту» (С. М. Толстая).

Все это обусловило подходы к языковому материалу, цели и задачи данного исследования. В настоящем диссертационном сочинении на фоне широкого и.-е. материала изучается славянская синонимичная лексика со значением 'свет'; при этом используется прием рассмотрения слова в рамках этимологического гнезда. Конечной **целью** данного исследования является выявление особенностей и закономерностей эволюции семантики русской световой лексики, индоевропейских светообозначений и выявление деривационных связей световой лексики с другими семантическими полями.

Заявленная цель предполагает решение ряда **задач**:

1) выявление световой семантики слов через анализ их семантического наполнения в современном русском языке, а также путем обращения к истории и этимологии этих лексем; анализ семантики исследуемых лексем дополнялся их анализом с точки зрения семантической деривации, так как именно деривационные связи могут пояснить значения многозначного слова; производные слова в этом случае объясняют, «манифестируют» значение производящего;

2) выявление семантических моделей, актуальных для образования слов со значением 'свет', и мотивировок, формирующих эволюцию этого значения, то есть исследование донорско-реципиентных отношений световой лексики;

3) выявление семантических отношений световых лексем с лексемами других семантических полей, что необходимо для представления общих черт и особенностей материальной и духовной культуры, связанных с понятием света;

4) изучение индоевропейского «контекста» светообозначений с целью выявления семантических моделей, которые были актуальны

для развития изначальной семантики 'свет', и для выявления тематических групп, которые генетически связаны со значением 'свет'.

В ходе работы с материалом были использованы различные **методы** исследования:

1) Описательный (дескриптивный) метод использовался при наблюдении над фактами языка и их лингвистической интерпретации.

2) Сравнительно-исторический метод применялся в данном исследовании при анализе материала родственных языков для того, чтобы обнаружить происхождение светолексемы и ее дальнейшую историю. В рамках сравнительно-исторического метода использовалась процедура внутренней и внешней реконструкции, которая осуществляется путем выявления соответствий на всех языковых уровнях;

3) Сопоставительный метод в нашем диссертационном сочинении применялся при сравнении языковых фактов русского и других языков для выявления различий между языками.

В ходе этимологического анализа лексем со значением света использовался прием изосемантических рядов, при анализе световой лексики на уровне синхронии структура семантического наполнения отдельных светообозначений исследовалась с помощью метода компонентного анализа.

В качестве **источников** исследования были использованы данные словарей различного типа: толковых словарей современного русского литературного языка; диалектных словарей русского языка; исторических, двуязычных, этимологических, энциклопедических словарей. Также в работе используются материалы монографий, статей, касающихся проблем сравнительно-исторического изучения языков и этимологии.

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что его основные выводы и положения вносят вклад в современное сравнительно-историческое языкознание, в теорию и практику комплексного (на уровне синхронии и диахронии) изучения лексики.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть применены в теоретических лекционных курсах по сравнительно-историческому языкознанию, по истории русского языка и исторической лексикологии, на практических занятиях со студентами, при подготовке научных работ по указанным проблемам.

Апробация работы. Общая концепция и ряд конкретных выводов настоящего исследования прошли апробацию на научных конференциях: VI Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического

языкознания» (Томск, 2008), Всероссийских конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (Томск, 2007, 2008, 2009), Российских научно-практических конференциях «Мировая культура и язык: Взгляд молодых исследователей» (2007, 2008 г.), Конференции молодых ученых «Филологические чтения – 2009. Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении» (Новосибирск, 2009), Международной научной конференции «Язык и культура» (Томск, 2007, 2008), Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2007). Результаты работы обсуждались на аспирантских и научно-методических семинарах кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии ТГУ.

Положения, выносимые на защиту

1. Большинство русских светообозначений имеют исконную семантику света, они складываются в индоевропейский период, что свидетельствует о развитой системе светообозначений уже в эту эпоху.

2. История большинства светообозначений разворачивается как путь к конкретизации и уточнению световых значений. Этот факт не распространяется на световое значение основных обозначений света, выраженных дериватами о.-с. основы *svět-, которые стремятся к большему охвату световых значений, в частности приобретают значение блеска.

3. Ведущим источником формирования световых значений являются семантические переходы 'гореть' → 'светить' (*пылать, полыхать, вспыхивать, жечь*), 'быстро двигаться' → 'светить' (*сверкать, полыхать*), а также принцип номинации может быть отражен в цепочке 'блестящий или светящийся предмет' → 'блеск, свет' (*фосфориться, золотиться, искриться, серебриться, зеркальный*), причем номинация самого блестящего или светящего предмета этимологически связана со световой семантикой.

4. Ведущими семантическими моделями, формирующими развитие световой семантики являются: 1) 'светлый' → 'ясный', 'хорошо видимый', 'легко доступный зрению, пониманию', 2) 'светлый' → 'яркий', 'выделяющийся среди других чем-л.', 3) 'светить' → 'быстро двигаться', 4) 'светить' → 'угасать', 'светиться неровным светом' → 'затмеваться в процессе перерывов в свечении, моргать, мигать' → 'темнеть'. Именно эти модели обеспечивают семантическую связь светообозначений с другими семантическими полями.

5. Семантический переход 'светить неровным светом, дрожать, мелькать' → 'затемняться в результате перерывов в свечении' → 'темнеть' обуславливает связь значений света со значениями 'мрак, темнота' и целым комплексом производных от этого значения с ярко выраженной отрицательной коннотацией, что обеспечивает взаимодействие семантического поля «свет» с семантическим полем «тьма». Таким образом, культурная модель «светлый → хороший» вступает в корреляцию с моделью «темный → плохой» на этимологическом уровне.

6. Лексика со значением 'свет, светить, светлый' является источником обширной семантической деривации, результаты которой обнаруживаются в разных семантических полях, в том числе и с положительной, и с отрицательной семантикой оценки, и обладает яркой культурной символикой.

Структура работы

Диссертационное сочинение состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего в себя статьи, монографии по сравнительно-историческому языкознанию, этимологии, словари различных типов. **В первой главе** рассматриваются особенности формирования и развития семантики светообозначений современного русского языка, описываются семантические модели в группе светолексем. **Во второй главе** рассматриваются лексемы, генетически восходящие к и.-е. корням со световой семантикой, индоевропейский световой контекст русских лексем, выявляются семантические модели, характерные для этих лексем. **Третья глава** посвящена рассмотрению семантических отношений светообозначений с лексемами других семантических полей, для которых световое значение стало «донором». **В заключении** приводятся основные выводы по результатам работы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается общая характеристика работы, обосновывается актуальность темы, формулируется объект и предмет, цель и задачи исследования, определяются его методы, отмечаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Формирование и развитие семантики русских светообозначений в аспекте проблемы семантической эволюции» решаются две основные задачи: рассмотрение эволюции семантики

светолексем через их этимологию и историю и установление основных семантических универсалий в группе светообозначений. При анализе особенностей развития семантики уделялось внимание и современному значению слова, его семантической структуре и функционированию в разных контекстах.

В разделе **1.1. «Светолексемы с основным значением света»** рассматриваются светообозначения, в семантической структуре которых световое значение выступает в качестве основного, это светообозначения *светить(ся), лучиться, сиять, сверкать, мерцать, искриться, брезжить, блестеть, яркий, ясный, лоск, заря* (12 этимологических гнезд). Каждое светообозначение рассматривалось в составе однокоренных светолексем. Из этой группы лексем только светообозначение *яркий* не является светообозначением с исконной семантикой света.

В разделе **1.2. «Светолексемы с неосновным значением света»** рассматриваются светообозначения, для которых световое значение является второстепенным в современном русском языке, это светообозначения *полыхать, пылать, вспыхивать, гореть, зажечься, мигать, моргать, мелькать, переливаться, теплиться, серебрить(ся), золотить(ся), фосфорить(ся), белый, бледный, солнце, огонь* (16 этимологических гнезд). Из второй группы светолексем с исконным значением света выделяются: *мигать, моргать, мелькать, серебрить(ся), золотить(ся), фосфорить(ся), белый, бледный, солнце* (9), с неисконным: *полыхать, пылать, гореть, вспыхивать, зажечься, переливаться, теплиться, огонь* (8).

Следовательно, у большинства русских светообозначений световая семантика исконная; из комплекса светолексем только у светообозначений *золотиться, серебриться, искриться, фосфориться, пылать, зажечься, переливаться* световые значения фиксируются с XVIII-XIX в., глагол *лучиться* и прилагательное *лучистый* появляются в словарях в этот период (XVIII в.), у глагола *теплиться* световая семантика фиксируется с XX в.

Проследим основные направления семантической эволюции, которые мы выявили при анализе истории и этимологии светолексем. Для эволюции первоначального значения 'свет', 'светить', 'светлый' характерны следующие модели:

1) 'светлый' → 'ясный', 'хорошо видимый', 'легко доступный зрению, пониманию'.

Эта модель обнаруживается в семантической структуре светообозначений *светить, брезжить, белый, озарять, ясный*.

Свет как феномен является той субстанцией, которая позволяет видеть мир и то, что находится в этом мире. Эта способность света, на наш взгляд, обуславливает появление модели ‘светлый’→‘ясный’, ‘хорошо видимый’. Другие реализации этой модели могут быть представлены в семантических переходах:

а) ‘светить’ → ‘видеть’, ‘свет → зрение’ (в говорах *светить* ‘видеть, смотреть’: *глаза не светят*);

б) ‘светлый’ → ‘прозрачный как легко доступный зрению’ (*светлая вода*), ‘не темного тона’ (*светлое пальто*), ‘ничем не затемненный’ (*ясное небо*);

в) ‘светлый’ → ‘понятный’, ‘определенный, точный’, ‘очевидный’, ‘обладающий ясным умом’ (*ясная цель, ясное доказательство, ясная речь, освещать вопрос, светлая голова, просветленный, озарить, озаренный*);

г) светлый → ‘чистый’, ‘очищенный’, ‘светлый’ → ‘непорочный’ (в говорах *светлить* ‘чистить, мыть, убираться в доме’, ‘чистить металлическую посуду’, *светелка* ‘чистая, нежилая часть избы’, *белая горница* ‘чистая горница’, *светлые ангелы*).

Способность света делать мир видимым обуславливает понимание мира как видимого, поэтому в истории о.-с. основы *svět-, к которой восходят светообозначения *свет, светить, светлый*, появляется значение ‘мир’ (*на всем свете*), мы имеем дело с такой цепочкой развития значений, как ‘свет’ → ‘видимый с помощью света мир’.

В славянских языках эта семантика у производных о.-с. *svět- является основной, ср. укр. *світ* ‘мир, вселенная, человеческое общество’, белор. *свет* ‘мир’, ‘рассвет’, с.-хорв. *свѣт* ‘мир’, польск. *świat* ‘мир’, чеш. *svět* ‘мир’, словацк. *svet* ‘мир’. Также в пределах семантической структуры о.-с. *svět- встречается модель ‘видеть мир’ → ‘жить’, ‘свет’ → ‘жить’, например, *прийти на свет* ‘родиться’, *свету лишиться* ‘умереть’, выражение *свет очей погас* означает ‘умереть’. Подобное находим и в других и.-е. языках, ср. древнегреч. φάος в контекстах ἐν φάει εἶναι (Софокл) ‘видеть солнечный свет, то есть быть в живых, жить’, εἰς φ. ελθεῖν (Пиндар) ‘появиться на свет, родиться’; лат. *lux* ‘свет’ и ‘жизнь’: *lucе privāre* (Цицерон) ‘лишить жизни, отнимать жизнь’. Значение ‘этот мир, жизнь’ эволюционирует в ‘люди в этом мире, человеческое общество’, ср. *свет лукав, что весь свет скажет*.

В говорах встречается прилагательное *светный* со значением ‘худой’, ср. контекст: *какая светная ты стала!* Вероятно, ‘худой’ в данном случае означает ‘прозрачный’, ср. выражение *он стал совсем*

прозрачный в обозначениях болезненного вида человека, который стал худым от болезни.

Следующая модель, которую мы выделяем:

2) 'светлый' → 'яркий'.

Эта модель находит свое отражение в семантической структуре светообозначений: *светить, сиять, сверкать, яркий, ясный, искриться, озарять, белый, блестеть, солнце, пылать, полыхать, гореть, жечь, огонь* – и в значениях производных этих светолексем. Модель 'светлый' → 'яркий' может выражаться в переходах значений:

а) 'светить' → 'выделяться чем-либо (достоинствами, недостатками)', 'светлый' → 'славный, знаменитый' (*блестящий офицер, яркая личность, сияние добродетелей, сиятельный князь, сиятельство, светлость*), ср. в древнегреч. яз. λαμπρός 'светлый', 'радостный', 'славный', лат. *illustris* 'светлый' и 'сиятельный', 'в императорскую эпоху звание высших сановников и их жен', такое же значение имело существительное *illustratus* 'сиятельство, почетное звание высших сановников'.

б) 'светить' → 'ярко проявляться (чувствам, эмоциям)', 'светлый' → 'радостный, веселый' (*глаза зажглись ненавистью, глаза искрились каким-либо чувством, глаза светились добротой, он лучился добротой*, в говорах *яркий* 'сердитый, суровый, вспыльчивый', также в говорах *зарный, зарной* 'подобный зареву, зарнице' и вместе с этим 'огненный, пылкий, страстный до чего', 'жадный, завистливый'), ср. укр. *яркий* 'страстный (в половом отношении)', древнегреч. λαμπρός 'светлый', 'радостный', 'ожесточенный', 'серьезный, грозный'.

в) 'светлый' → 'превосходный, лучший', 'хороший', 'любимый' (в говорах *блесной* 'очень блестящий, превосходный, замечательный', также в говорах *белый* 'хороший (о жизни)', *жить на белом* 'жить без забот', *свет ты мой, солнышко мое* 'обращение к любимому человеку'). Эта модель характерна и для других языков: польск. *światły* и *świetny* 'превосходный, отличный', *świetność* 'великолепие', лат. *luminōsus* 'светлый', 'замечательный'.

г) 'светлый' → 'богатый' (в говорах *светловать* 'жить в довольстве, достатке', *светленько* 'в достатке, зажиточно').

д) 'светить' → 'ослеплять' (*глаза светлит* 'обманывать, вводить в заблуждение').

е) 'светлый' → 'яркий', 'цветной' (*светковный* 'с яркой, пестрой коркой' *свет* 'украшение на голове невесты', 'рисунок на ткани, вышивка', 'в свадебном обряде – елка, украшенная цветами и свечами', *сиянка* 'украшение на брус', *ясный* 'отличающийся, выделяющийся

яркостью красок': *брюки ясные вышили*, в древнерусском языке *бльскъ*, *блескъ* - это и 'блеск', и 'цвет').

Значение 'цветной, яркий' в свою очередь обуславливает появление таких производных от светолексем, как *блискун* 'мак' (говоры), *заря* 'цветы' (говоры). В словаре русских народных говоров значения *заря* со световым значением и *заря* со значением 'цветы' даются как омонимы, М. Фасмер описывает лексему *заря* 'трава' как «темное слово», но велика вероятность их генетического сближения, ср. в говорах *цветсти*, *цветать* 'рассветать' и *цветок*, *цветсти* 'распускаться, покрываться цветами'. У светолексемы *заря* и ее производных часто встречаются значения, связанные с цветением, например, *заря зарей* 'очень сильно, обильно цвести': *Они вышили, картошки – та...они летось вышили, цвели заря зарей*. (Ряз., 1960-1963).

Дальнейшее развитие семантики 'светлый' → 'яркий', 'цветной' связано со значениями увеличения жизненных сил, с расцветом, то есть можно зафиксировать переход 'светлый' → 'яркий', 'цветной' → 'цветущий', далее могут развиваться значения 'красивый', 'украшенный', 'здоровый'. Например, в говорах встречается выражение, употребляемое при детской игре «в зорю», где свет зари становится олицетворением красоты: *заря заряница, красна девица, по лесу ходила, ключи потеряла; месяц видел, солнце скрало, зарко* 'привлекательно', *в зорю посмотреть* 'о внешней красоте человека': *Сробил дурак по сказанному, как по писанному, и стал молодец-молодцом, в зорю посмотреть, что ни в сказке сказать, ни пером описать* (Кирен. Иркут., Архив РГО), в древнерусском языке при описании цветущего вида человека находим выражения *в светлости* и *в радости лицо царево* или *Василии образом яснь*.

Подобное развитие значений отмечено у глагола *цветать* 'рассветать' (говоры) и *цветсти* 'распускаться, покрываться цветами', перен. 'преуспевать', 'успешно развиваться, процветать', 'находиться в поре физического расцвета, быть здоровым, красивым', а также у древнегреческого прилагательного *λαμπρός* 'блистательный, цветистый', 'полный жизни, цветущий'.

Дальнейшая реализация семантики 'цветение, цвет жизни' обнаруживается в значениях типа 'зреть, созревать', совмещение последнего значения и световой семантики можно наблюдать в семантическом наполнении диалектного глагола *зорить* 'делать что-либо ранним утром, сверкать, блестеть (обычно о молнии)' и также 'способствовать созреванию хлебов (о зарницах)', 'оставлять на корню до полного созревания, доводить до полной зрелости в тепле овощи, фрукты и т.п.': *зорить огурцы для семян*, глагол *зорить* получает

следующую интерпретацию в говорах: «О молнии: сверкать и содействовать созреванию нив, которые получают тогда желтый, золотистый цвет» (Афанасьев, без указания места), *зорит хлеб – молниєю обжигает по вечерним зорям хлеб, зориться* ‘зреть, наливаясь, когда на небе сверкают зарницы (что, по народному поверью, способствует созреванию хлебов)’. К этой же сфере значений относится выражение *зорить* дочку, сына ‘растить, относясь бережно, заботливо’.

Наблюдается определенное пересечение в семантике дериватов *ǵher-/ *ǵherǝ-/ *ǵhrē- со значением ‘сиять, блестеть, сверкать’ (от которого и образованы *заря, зорить*) и *gʷeg- ‘поспевать, становиться зрелым’ (откуда русское *зреть* ‘спеть’, ‘расти, достигая определенного предела развития’, *зерно, зрелый*) на славянской почве. В этом аспекте можно сравнить не только приведенные выше слова *зорить* ‘доводить до полного созревания’, *заря* в названиях растений, но и зафиксированные в смоленской области, очевидно, производные *gʷeg- *зрелка* ‘спелая, зрелая ягода’, *зрелки* ‘зарницы, способствующие созреванию хлебов’, *зрелянка* ‘зарница, молния без грома (по народным поверьям, способствующая созреванию хлебов)’, в которых тот же суффикс, что и в русском *зрелый* ‘спелый’.

Помимо моделей ‘светлый’ → ‘ясный, хорошо видимый’, и ‘светлый’ → ‘яркий’ в группе русских светообозначений наблюдается семантическая модель

3) ‘светить’ → ‘быстро двигаться’.

Значение ‘быстрый’ прослеживается в словах, однокоренных со светообозначением *блестеть*, а также в эволюции светолексем *полахать, мерцать, моргать, мигать, мелькать*. Русское *блеск* восходит к о.-с. *blěskъ, в других славянских языках от этой о.-с. основы образованы болг. *блясък* ‘блеск’, с.-хорв. *blijesak* ‘блеск, молния’, словен. *blêsk* ‘блеск, мерцание’, чеш. *blesk* ‘молния, блеск’, укр. *блиск* ‘блеск, молния’, старослав. *блиск* ‘молния’, словен. *blisk* ‘молния’. Праславянское *blěskъ представляет собой имя, соотносимое с глаголом *bliskati/*blistati, и содержит производную ступень -о- вокализма по отношению к глаголу. В большинстве славянских языков лексемы с корнем *blěsk-, **blisk- обозначали не только блеск как таковой, но и такое природное явление, как молния. С этим корнем в болгарском языке находим *бляскам* ‘блестеть’ и *бльскам* ‘бить, ударять, толкать’, в словен. *blisniti* ‘сверкнуть, ударить’, в укр. *блискати* ‘сверкать’ и ‘бить, лягать’, *блиснути* ‘блеснуть’ и ‘упасть’, *блискавоногий* ‘быстроногий’, в чеш. *bleskově* ‘молниеносно, с быстротой молнии’. В говорах русского языка встречаем *блискавка*

‘молния’, *блистаница* ‘комета’, *блись* ‘слово, обозначающее мгновенный блеск, мгновенное сверкание’: *Я гляжу, а светла в окне блись* или *только пятками блись* (о быстром беге), *блеснуться* ‘броситься в глаза’: *Потом что в глаза блеснется, то и буду делать*. Присутствие во всех этих значениях семантики быстроты, семантики, связанной с ударом, а также наличие значений ‘молния’, ‘комета’ позволяют предположить, что изначально лексемами с этим корнем обозначался яркий, недолго длящийся по времени свет, как свет молнии или кометы. Поэтому и фиксируются слова с семантикой быстрого движения или удара.

Материал первой главы показал, что со значением быстрого движения тесно связано значение неровного света. Светообозначениями, которые несут семантику переменчивого света, являются: *мерцать, моргать, мигать, мелькать*. Среди них выделяется только одно с основным световым значением, это глагол *мерцать*, у остальных светолексем в качестве основных значений закрепились значения, связанные с быстрым движением век и быстрым движением (появлением на короткое время). Генетически эти светолексемы восходят к двум синонимичным и.-е. основам *mer- и *meigh-/*meik-, которые обозначали неровный, переменчивый свет. У производных этих основ в славянских языках наблюдаются параллели в развитии семантики. Во-первых, это ‘светить неровным светом’ → ‘мелькать, моргать, мигать (переменно светиться/ темнеть)’ → (по аналогии) ‘двигать веками, мигать’, во-вторых, это ‘светить неровным светом’ → ‘мелькать, моргать, мигать (переменно светиться/ темнеть)’ → ‘быстро двигаться’.

Понятие неровного, переменчивого света оказывается неразрывно связанным с понятием движения, отсюда появление слов в русс. языке *мигом, мельком*, в чеш. *migati* ‘быстро бежать’ (силезск.), ‘быстро шевелить’, в словацк. *mihat'* ‘быстро двигать, шевелить; жмурить, моргать’, *mihat' sa* ‘быстро шевелиться, мелькать’.

Дальнейшее развитие значений ‘моргать’, ‘быстро двигаться’ может идти у дериватов исследованных нами светообозначений по таким моделям:

а) ‘моргать, мелькать, быстро двигаться’ → ‘пропускать что-либо’ → ‘проматывать, неразумно тратить время/деньги’, например, *моргу гонять* ‘вести праздную жизнь, бездельничать’, в других славянских языках с тем же значением ст.-чеш. *mrhati* ‘проматывать’ (русс. *проморгать* ‘упустить что-л.’), словацк. *mrat'* ‘неразумно тратить, проматывать’.

б) ‘моргать, мелькать, быстро двигаться’ → ‘быть непостоянным/капризным’, например, *моргаться* ‘вести себя капризно, легкомысленно, быть непостоянным в своих желаниях’, *моргай* ‘человек, постоянно всем недовольный, на которого невозможно положиться’, *мельгун* ‘о том, кто мигает или подмаргивает’ ‘шалун, волокита’

в) ‘моргать, мелькать, быстро двигаться’ → ‘идти морозящему дождю’, например, *моргасить* (о погоде) ‘мокнуть, идти ситничку, бусу’; *моргасинница* ‘ситничек, осенний мелкий дождь, морос, бус’, *мигичка* ‘мелкий морозящий дождь, изморось’.

Еще одна модель, которая встречается в рамках группы светообозначений, это модель, связанная с семантикой ‘Бог, божественная сущность’:

4) ‘свет’ → ‘Бог’.

Отражение этой модели наиболее ярко присутствует в семантической структуре светообозначения *свет*, в древнерусском языке этим словом обозначался атрибут Бога. Вероятно, появление подобной семантики было обусловлено тем, что словом *свет* в евангельских текстах переводилось древнегреческое φῶς, которое обозначало божественную силу, божественный свет: εἶπεν εἰς τὸ φῶς τοῦ κόσμου...я есть свет мира.

В значениях светолексем *сияние*, *сиять* также наблюдается соотнесение с семантикой ‘имеющий отношение к Богу, священный’, например, *сияние* ‘сиянье вокруг головы святого, на иконах, венец, венчик’ (В. Даль), в древнерусском языке *сиять* ‘повелевать светить солнцу (о Боге)’.

Культурная модель, соединяющая понятие божественной сущности и света, по определению распространяющегося с неба, которое является обиталищем божественных сил, актуальна не только для русского языка, но и для индоевропейских языков в целом, ср. родственные древнеинд. *dyāuḥ* ‘небо’, древнегреч. *Ζεὺς* ‘Зевс’, древнеинд. *dyāuṣpita* ‘Отец неба’, лат. *Diēspiter*. Основа *diçios дает производные в древнеинд. языке - *divyá* ‘небесный’, в древнегреч. *δίος* ‘божественный’, в лат. *dīus* ‘божественный’, *Dīāna* ‘Богиня луны’, в этрусск. *Tiv* ‘Бог’, *tives* ‘месяц’, с аблаутной ступенью *dju-* в древнеиндийском *dyu mánt* ‘ясный, светлый’, *ádyaut* ‘светлый’ (Рокорну).

5) ‘светить’ → ‘угасать’, ‘светиться неровным светом’ → ‘затмеваться в процессе перерывов в свечении, моргать, мигать’ → ‘темнеть’. Реализацию этой модели мы можем наблюдать на примере светообозначений *бледный* и *мерцать*, ср. значение слова *бледный*

‘слабо окрашенный, неяркий, светящийся слабым светом, без блеска, тусклый’.

Глагол *мерцать* в современном русском языке имеет значение ‘светиться неровным, колеблющимся светом’, но в Словаре церковнославянского и русского языка этот глагол представлен со значениями ‘слабо сиять, угасать, омрачаться, меркнуть’ и ‘отбрасывать свет, блестеть в некоторых точках, перемежаясь с точками светлыми и темными’ (в минералогии). Отношение к семантике ‘тьма’ отражено и в старославянском *мръцати* ‘темнеть’, ‘меркнуть’. Этимологическое светообозначение *мерцать* связано с глаголом *меркнуть* ‘темнеть’, у него тоже прослеживается эта «двойственность» семантики, в древнерусском языке глагол *меркнути* имеет значение не только ‘тускнеть, начать сгущаться, темнеть, опускаться (о ночи)’, но и значение ‘начинать рассеиваться (о темноте)’, ср. с.-хорв. *мръцати* ‘испуштати слабу светлост, мигати, трептати (о свете), мрачити се’, с.-хорв. диал. *мрцати* ‘смеркаться, темнеть; мерцать, мигать, поблескивать’, перен. ‘терять сознание, помрачаться (о сознании)’, белор. диал. *мірцаць* ‘сверкать, мерцать’ (Слоун. пауночн-заход. Беларусі 3, 69). Форма *мыгkati является фонетическим вариантом к *мыгkati(se), появившимся в результате 3-й (прогрессивной) палатализации *k* → *с*. К *мыгkati(se) в свою очередь восходит русское *меркнуть*, ц.-слав. *мръкати* ‘темнеть’, болг. *мръква се* ‘темнеть, смеркаться’, чеш. *mrkati* ‘мигать, моргать; мелькать, мерцать, светить прерывисто или меняя силу света’, н.-луж. *myrkas, merkas*, диал. *merkas* ‘моргать, мигать, рябить (в глазах), сверкать’, спец. ‘делать быстрые движения’, *myrkas se* ‘темнеть, смеркаться’ и т.д. Таким образом, соседство значений ‘темнеть’ и ‘мерцать, светиться слабым светом’ соседствуют и в славянских языках, демонстрируя неразрывную связь этих значений.

Ю. Покорный восстанавливает и.-е. корень **meг-* ‘сверкать, искриться’ для рассматриваемых нами слов. Помимо славянских соответствий, в этимологическое гнездо этого корня Ю. Покорный включает древнегреч. *μαρμαίρω* ‘сверкать, искриться, слабо поблескивать’, *ἀμαρῖνῆ* ‘мерцание’, лат. *merus* ‘чистый’, иллир. *mrĭju* ‘сверкать’, ‘брезжить’, ‘смеркаться’, гот. *maúrġins* ‘утро’, лит. *mérkiu* ‘мигать, моргать, мерцать’.

Вероятно, словами с корнем **meг-* обозначался слабый, неровный свет, возможно, свет на границе дня и ночи (см. значение в русском языке *мерцание* ‘борьба света с мраком’ (Словарь церковнославянского и русского языка), отсюда появление семантики ‘моргать’, ‘мигать’ и значений ‘смеркаться’ в соседстве со световыми значениями. Мы имеем дело с развитием семантики ‘светиться неровным светом’ →

‘затмеваться в процессе перерывов в свечении, моргать, мигать’ → ‘темнеть’. В этой семантической шкале отражен процесс постепенного угасания света, выражением чего и являются производные корня *mer-. Последствием такой семантической истории в русском языке явилось присутствие в глаголе *мерцать* таких компонентов, как ‘неровный, колеблющийся свет’.

Процесс ‘светить прерывистым светом’ → ‘рассветать, рассеивать тьму’, ‘ярко светить’, наблюдаемый в рамках этого этимологического гнезда, тоже находит свое отражение в языках (иллир. *mgiju* ‘смеркаться’ и ‘сверкать’, ‘брезжить’, гот. *maurgins* ‘утро’, древнегреч. *μαρμαίρω* ‘искриться, слабо поблескивать’ и ‘сверкать’), в славянских же языках большее отражение нашла первая модель, судя по фиксации значений.

Помимо значений, для которых световая семантика стала «донором», мы можем выделить значения, для которых световая семантика стала «реципиентом»; отметим семантические переходы, характерные для этой группы слов:

- 1) ‘гореть’ → ‘светить’ (*пылать, полыхать, вспыхивать, зажечься, яркий, гореть, теплиться, огонь*),
- 2) ‘блестящий, светящийся предмет’ → ‘светить’ (*золотиться, серебриться, фосфориться*),
- 3) ‘быстро двигаться’ → ‘светить’ (*сверкать, переливаться, полыхать*).

Связь значений света и быстрого движения, как мы видим, является двусторонней, то есть и светообозначения могут развивать значение ‘быстрый’, и от значения ‘быстрый’ развивается значение ‘светлый’.

Глагол *сверкать*, как и глаголы *светить, сиять*, является одним из основных обозначений действия света в русском языке. Этимологический анализ глаголов *светить, сиять* показывает, что все эти глаголы генетически восходят к и.-е. корням со световой семантикой. Иначе обстоит дело с глаголом *сверкать*.

Контексты слов *сверкать, сверкание* предполагают, что это свет, во-первых, яркий, а во-вторых, прерывистый, это отличает его от *светить, сиять*, в глаголе *сверкать* важна частота импульса света, частота изменения его в единицу времени. В этом значении глагол *сверкать* коррелирует с глаголом *мерцать*, где тоже актуальна частота импульсов света, но она ниже и излучаемый свет не является таким ярким: *На небе уже мерцали звезды.., тускло мерцала свечка*.

С русским *сверкать* в славянских языках этимологически связаны лексемы, не имеющие значения света, например, чеш. *svrcati, svrčeti*,

šverkatī ‘жужжать, свистеть’, польск. ćwierkać, świerkać, świergotać ‘чирикать’, ‘щебетать’, ‘трещать’, а также в древнерусском языке глагол *свърчати*, у В. Даля *сверчать* ‘производить стрекочущий звук’, ‘верещать’. В балтийских языках тоже находим соответствия такого плана: лит. švirkšti, латыш. svirkti ‘жужжать, пищать, дудеть’.

Исключение составляет контекст, приводимый А. Брюкнером в этимологическом словаре польского языка: *świerczki w oczach*. Вероятно, здесь идет речь о блеске глаз. Возможно, это указание на присутствие семантики света в данном этимологическом гнезде на материале польского языка.

Есть основания для сближения *сверкать* и *свърчати* (*сверчать*), в семантическом плане это сближение подтверждается аналогиями: перенесение значений со слуховых на зрительные и наоборот – достаточно частое явление в жизни языка: например, укр. *луна* – это ‘отражение света’, ‘отблеск’, а также ‘отражение звука’, ‘эхо’, там же *лунати* ‘звучать’, *лункий* ‘звонкий’.

Реконструировать семантику слова помогает обращение к его истории. В письменных памятниках древнерусского языка глагол *сверкать* в значении ‘светить’ не фиксируется. Но в «Домострое», памятнике древнерусской литературы, зафиксирован контекст *губами не сверкати* как одно из нежелательных действий для благовоспитанного человека. А.Г. Преображенский толкует глагол *сверкать* в этом контексте как ‘быстро двигать, шевелить, чавкать’. В данном примере, на наш взгляд, содержится фиксация промежуточного градуса семантической диахронической шкалы от ‘щебетать, чирикать, жужжать, шептать’ и пр. к ‘сверкать, светить’. Действительно, в примере очевидна связь со значениями такого плана, как ‘щебетать, жужжать, шептать’, выраженная в значении ‘чавкать’, но появляется указание на быстроту действия: ‘быстро двигать губами’. Идея о быстром воспроизведении звука (щебетать, верещать) соединяется с идеей быстроты вообще. На наш взгляд, развитие значения ‘сверкать, светить’ произошло посредством значения ‘быстро двигаться’. И в данном случае это можно подтвердить типологией развития значений. В древнегреческом языке также существует лексема *αργός* со значением ‘быстрый’ и ‘светлый’, восходящая к и.-е. корню *ar(e)ǵ-, *arǵ-, *rǵi- ‘блестящий, беловатый’.

Мы предполагаем следующую цепь развития семантики: ‘издавать стрекочущий звук, шептать, чавкать’ → ‘производить быстрые, повторяющиеся движения при звучании’ (*губами сверкати*) → ‘быстро двигаться, мелькать’ (*сверкать пятками*) → ‘сверкать, блестеть’.

Материал для подтверждения реализации семантической модели от ‘быстро двигаться’ к ‘сверкать’ в рамках этимологического гнезда

сверкать, *сверчок*, древнерусского *свърчати* дают и диалекты. Например, *сверк* ‘сверкание’ и *свѣрк* ‘употребляется для обозначения блеска при быстрых, повторяющихся движениях’ (Куйбышев), *сверкать* ‘появляться где-либо, ездить куда-либо на короткое время’ (Иркутск), *сверкучий* ‘сверкающий, блестящий’ и ‘эпитет молнии’ (фольк.). Думается, появление последнего значения также не случайно и связано не только со способностью молнии сверкать, но и ее свойством появляться на короткое время и исчезать.

Реконструируются о.-с. формы глаголов *сверкать* и этимологически связанного с ним *сверчать*: *svьrkati и *svьrċati (вероятно из *svьrċeti), форма на -ati развивается, возможно, под влиянием *svьrkati.

Светообозначение *полыхать* отличается тем, что связано как с семантикой быстрого движения, так и с семантикой горения. Глагол *полыхать* восходит к и.-е. основе *pel- со значением ‘махать, трясти, дрожать, вибрировать’. Световое значение у глагола *полыхать* развивалось посредством значений ‘быстро двигаться’, ‘бросать’, ‘бить, ударять’, которые являются продолжением значений ‘махать, трясти, дрожать, вибрировать’. Это видно и по диалектному материалу, где *полых* ‘употребляется по значению глагола *полыхать* (о пламени)’: *огонь полых по стенам*, где *полых* обозначает быстрое движение огня, своеобразный «удар» пламени, сопровождающийся свечением, ср. русское просторечное *засветить* ‘ударить’ или *звездануть* с тем же значением.

Во второй главе «**Индоевропейские светообозначения и их рефлексy в русском языке**» рассматривается эволюция слов, которые восходят к и.-е. корням со световой семантикой. В этой главе были проанализированы дериваты и.-е. корней: 1) *leuk- ‘светить, видеть’, 2) *kveit- ‘светить’, 3) *mer- ‘сверкать, искриться’, 4) *meigh-/ *meik- ‘мерцать, мелькать’ 5) *skāi/*skāi/*skāi ‘сиять’, 6) *dei- ‘блестеть, светить, сиять’, 7) *ġhel- /*glend(h)- ‘блестеть, сверкать’, ‘трепетать’, ‘темнеть (от моргания)’, 8) *ġher-/ *ġherə-/*ġhrē- ‘сиять, блестеть, сверкать’, 9) *bhēl- ‘блестящий, белый’.

В числе семантических моделей, выявленных в группе индоевропейского контекста, мы находим модели:

- 1) ‘светить’ → ‘видеть’ (*глядеть, зреть, зоркий*).
- 2) ‘светить’ → ‘быть ярким’, ‘светлый’ → ‘цветной’ → ‘цветущий’ → ‘здоровый, красивый, преуспевающий, радостный’ (*цвести, цветок*), также ‘цвести’ → ‘покрываться пылью, гнить’ (*цвести*)
- 3) ‘светлый’ → ‘отмеченный, избранный, отличный от других’.

Яркий пример такого развития значений представляет прилагательное *лысый*. О. Н. Трубачев указывает на некоторые

особенности семантики праславянского *lyсь(jь): признак «лысый» был обозначением избранничества. Так О. Н. Трубачев восстанавливает еще одно значение *lyсь(jь) - 'светлый, блестящий' (= 'небесный, божественный'). На наш взгляд, реконструированное О. Н. Трубачевым значение 'небесный, божественный' можно дополнить значением 'избранный, отличный от других'. Именно это значение – избранничества – находит отражение в таких выражениях, как: *лысая гора, лысый черт*. *Лысый черт* указывает не на внешний вид как таковой, а на то, что *лысый черт* – главный среди других. В говорах Алтая встречается производное *лыско* 'по суеверным представлениям нечистая сила, живущая в доме': *Не вздыхай тяжело, не отдадим далеко, хоть за лыско, да близко*. Так слова с первоначальным значением света участвуют в образовании сферы, которая отлична от той, что мы наблюдали при изучении семантики *свет, светлый, светить*, а именно – сферы, формирующей значения 'нечистая сила, черт'. Также *лысая гора* – по преданиям, самая высокая гора в местности, часто выбираемая для собрания нечистой силы. Далее значение 'избранный' может развиваться до значений *с лысиной* 'удачливый, везучий', *лысый* 'целый, невредимый', *с лысинкой* 'умственно ограниченный, тупой, глупый (о человеке)', ср. в словенском языке *lisast* 'придурковатый', 'с пятнами'.

4) 'светить' → 'бросать свет' → 'целиться' → 'попадать' → 'происходить, случаться' (*случаться, случай, получаться*).

5) 'светлый' → 'ясный', 'светлый' → 'очищенный', 'светлый' → 'открытый' *лыситься* 'проясняться', *лысина* → 'поляна, лужайка, открытое место', *лыснуть* 'открыть, раскрыть'.

6) 'светлый' → 'гладкий' (*гладкий*). Далее значение 'гладкий' может эволюционировать до значений 'здоровый', 'тучный', 'жирный', 'ухоженный, красивый', а также можно отметить переходы 'гладить' → 'ласкать', 'гладкий' → 'нежный, ласковый' → 'льстивый', 'гладкий' → 'тихий, спокойный' (в говорах *гладко* 'ясно, безветренно, солнечно, когда нет туч на небе, нет сильного ветра' *гладко* 'тихо, спокойно'). В русских диалектах *гладкий* 'жирный, тучный, здоровый', 'гладкий, ровный', 'толстый, упитанный', *гладкой* 'полный, здоровый', *гладкий* 'имеющий полное, красивое, чистое лицо', 'о здоровом на вид откормленном лежебоке, лентяе', 'ухоженный, содержащийся в порядке', *гладкий* 'нежный', 'ласковый'.

7) 'светить (неровным светом)' → 'дрожать, мелькать' → 'затмеваться в результате перерывов в свечении' → 'темнеть', 'светить неровным светом' → 'терять свет, гаснуть' → 'становиться темным'. Эта модель

встречается в производных и.-е. корней *sk̄āi/*sk̄əi/*sk̄i-, *mer-, *meigh-/ *meik-.

На наш взгляд, основа *sk̄āi/*sk̄əi/*sk̄i- близка к определению 'светить неровным светом'. Ю. Покорный дает значения основы как 'приглушенно светить', 'тень', 'отражение'. В индоевропейских языках реализуются значения 'светить', 'сиять', 'блестеть' и 'мерцать', то есть светиться неровным светом. Сравним, например, в латинском языке от этого корня - scintilla 'искра', scintillatio 'мерцание', 'сверкание', scintillare 'искриться, блистать, сверкать', дериваты обозначают неровный свет. О. Н. Селиверстова при анализе глаголов со значением света утверждает, что глагол *сиять* несовместим с представлением о ровно распределенном свете, о чем свидетельствует контекст: *Солнце стояло близко на бледноясном небе, лучи его тоже как будто поблекли: они не сияли, они разливались ровным, почти водянистым светом* (Тургенев, Свидание).

Значение 'светить неровным светом' может развиваться либо по модели 'светить неровным светом' → 'терять свет, гаснуть' → 'становиться темным' (отсюда *сень*, древнегреч. σκία 'тень, призрак, видение', σκίνη 'покров', в алб. hiqe 'тень', а также русск. *синий*), либо по модели 'светить неровным светом' → 'светить ярко' (отсюда *сиять*, гот. skeinan 'сиять, светить, блестеть', д.-в.-нем. skīnan 'светить, сиять' и т.п.), дериваты *sk̄āi/*sk̄əi/*sk̄i- реализуют представление о неровном, либо разгорающемся, либо гаснущем, свете, поэтому в системе дериватов от *sk̄āi/*sk̄əi/*sk̄i- появляются такие разные на первый взгляд слова, как *сень*, *синий*, *сиять*, *сизый*. Подтверждением того, что и.-е. основа *sk̄āi/*sk̄əi/*sk̄i- обозначала неровный свет, является пересечение в семантике дериватов *sk̄āi/*sk̄əi/*sk̄i- и *mer-, *meigh-/ *meik-. В кругу производных этих корней реализуется семантика 'светить' → 'темнеть' (*сень* 'тень', *синий* 'темный', *мрак* 'темнота'), 'светить неровным светом' → 'дрожать, мелькать' → 'темнеть' → 'обозначения призрака, видения' (*сень* 'призрак, видение', *стеня* 'призрак, видение', *морок* 'призрак, мираж', *мечта* в древнерусском языке 'наваждение, воображение').

Морок в говорах 'призрак', 'мираж на море': *мороки ударяют на голову* 'наступает помрачение рассудка, выключается сознание', *морок* также 'сон, в котором человек видит самого себя, примета скорой смерти'. Подобное развитие значений обусловлено, с одной стороны, развитием значений 'тьма, туман (в котором ничего не видно и который имеет способность исчезать)', с другой стороны, тип значений 'призрак, видение' может быть связан с семантикой быстрого движения, переменчивости, что характерно для дериватов корня *mer-, то есть

морок в этом случае – ‘то, что имеет способность то появляться, то исчезать, что-либо неверное, переменчивое, способное вводить ум в заблуждение’, ср. *морочиться* ‘терять рассудок, ум’ и ‘идти быстро, запыхавшись, торопясь’, ‘устремляться, быстро бежать, мчаться, торопиться’.

Значения ‘темнеть’, ‘дрожать’ продуцируют появление обозначений облака, дождя, ненастной, пасмурной погоды, ср. *мгла* ‘темнота, туман, облако, дождь’, *мигичка* ‘моросащий дождь’, *моргаситься* ‘моросить’.

От значения ‘темный’ появляются значения ‘дьявол’ (*синец*), ‘обманывать, вводить в заблуждение’ (*морочить*), ‘грустный, печальный’ (*омраченный*), ‘непонятный’.

В системе производных корней *mer- и *meigh-/ *meik- появляются такие производные, как: диалектное *мороковать* со значением ‘понимать, знать, смыслить, смекать’, *мечтать* ‘думать’ (говоры), ‘представлять в воображении’. Развитие значения ‘думать’ происходит посредством значения ‘казаться, представляться в воображении, мерещиться’, далее ‘мечтать, задумываться о чем-либо’, а затем ‘придумывать, думать’.

Анализ рефлексов и.-е. светообозначений позволил включать в ряд сфер, с которыми соприкасаются светообозначения, такую значимую сферу, как обозначения цвета (не только цветообозначение *белый*, но и цветообозначения *синий*, *сизый*, *желтый*, *голубой*, *зеленый*). В семантической структуре цветообозначений *желтый*, *зеленый*, *голубой*, которые в современном русском языке являются обозначениями хроматических цветов, мы заметили присутствие семантики ахроматических цветов: ‘темный’, ‘светлый’, ‘серый’. Присутствие этих значений укрепляет связи цветообозначений со значением ‘светлый’, которое имеет и.-е. корень *ǵhel-. Что касается значений ‘темный’, то мы уже наблюдали в пределах этимологических гнезд других «световых» корней появление значения ‘тьма, темный’ (у дериватов *mer-, *meik-, *skāi/*skəi/*ski-). В случае с *mer-, *skāi/*skəi/*ski- – появление значений ‘тьма, темный’ было обусловлено, на наш взгляд, семантикой корня – семантикой прерывистого света, которая объясняла переход ‘светить прерывистым светом’ → ‘темнеть’.

В пределах этимологического гнезда *ǵhel- тоже есть значения, связанные с семантикой ‘темный’, например, лит. žlėjà ‘сумерки’ от другой ступени корня *ǵhel- в древнеангл. glōm ‘сумерки’, у слов *зеленый*, *голубой* тоже можем наблюдать семантику ‘темный’. Таким образом, можно предположить, что свет, выражаемый производными от *ǵhel- в индоевропейских языках, был, как и в случае с продолжениями основы *skāi/*skəi/*ski-, либо нарастающим, либо убывающим, то есть

и для дериватов основы *ghel- характерны модели: ‘светить неровным светом’ → ‘терять свет, гаснуть’ → ‘становиться темным’ (отсюда *зеленый*, *žlèjà* ‘сумерки’, *glōm* ‘сумерки’), ‘светить неровным светом’ → ‘светить ярко’ (отсюда исл. *glan* ‘глянец’, ‘блеск’, норв. диал. *glana* ‘светлый, сверкающий’, нем. *glühen* ‘блестящий’, *gluot* ‘зной’, древнеисл. *glōga* ‘сверкать, искриться’, нем. *Glanz* ‘блеск, сияние’). Свет, который передавался производными *ghel-, вероятно, был неровным, прерывающимся, поэтому возможно развитие значений ‘темный’, ‘сумерки’. На данном этапе исследования трудно предполагать то, каковы механизмы связи значений ‘темный’, ‘светлый’ и значений ‘желтый’, ‘голубой’, ‘зеленый’, но это может быть перспективой данного исследования.

Как видим, семантические модели, выделенные нами в первой главе, в системе русских светообозначений, совпадают с теми моделями, которые мы выделили при анализе рефлексов и.-е. светообозначений, материал второй главы позволил нам дополнить и расширить спектр уже отмеченных нами семантических переходов.

Третья глава «Семантические связи светообозначений с другими семантическими полями» представляет собой описание тех семантических полей, с которыми светообозначения вступают в активное взаимодействие. Это такие поля, как **«Человек»**, **«Жизнь, мир/Смерть»**, **«Бог /Дьявол, бес»**, **«Движение»**, **«Цвет, цветенье, созревание, рост/ обозначения цвета»**, **«Чистота»**, **«Природа»**, **«Наименования растений, цветов, животных»**, **«Обряд/Праздник»**, **«Звук»**, **«Тень, тьма»**.

Регулярнее всего значение света становится донором для поля «Человек», его 1) эмоций, 2) внешности, 3) интеллекта, 4) благосостояния, 5) оценки общества, 6) нравственности/ морали/ душевных и духовных качеств, 7) поведения, 8) речи, 9) зрения, 10) любви.

Описание качеств и свойств человека не всегда является положительно маркированным, подобный дуализм свидетельствует о способности светолексем к многообразной и разветвленной деривации, а это показатель развитости семантического поля «свет» и значимости данного понятия в культуре. Рассмотрим связь светообозначений с полем «Обряд/Праздник».

Светообозначения встречаются при номинации праздника, например, *светлый день* ‘праздничный день’. Это проявляется в других славянских языках, например, с.-хорв. *светац* ‘праздник’, *светачки* ‘праздничный’, *светковина* ‘празднество, торжество’, *свечан* ‘праздничный, торжественный’.

Лексика с корнем *свет-* может встречаться в обозначении действующих лиц обряда свадьбы, это отражено в говорах русского языка. Например, сестра жениха называется *светенкой*: *Что у нашего свата светенка горбата, светилочка* ‘ребенок, идущий впереди свадебного шествия со свечой’. Светоосновы появляются в словах, обозначающих предметы обрядового действия, например, *свет* ‘в свадебном обряде – елка, украшенная цветами и свечами’. Помимо этого, светолексемы встречаются в обозначениях частей обряда: *обвести по солнышку* ‘обводить молодых вокруг аналоя при венчании’, *благословлять кого-л. хлебом по солнышку* в свадебном обряде – ‘благословлять жениха и невесту, описывая караваем круг над головой’, *свет светить* ‘венчаться в церкви с полным освещением’, *свечки* ‘предсвадебный обряд’, *светлый вечер* ‘вечер накануне свадьбы’: *в светлый вечер дары дарили*.

Проявление свадебной семантики у светолексем и их производных отражается и в украинском языке, где *світилка* ‘девушка, исполняющая обряд держания меча и свечи на свадьбе’, *світильник* ‘украшенная свеча, которую светилка держит на свадьбе’. Кроме того, в украинском языке *світити волосом* ‘ходить с непокрытой головой (о замужней женщине)’, *світити головою* ‘быть девушкой (т.е. незамужней)’.

Можно отметить соприкосновение сферы *свадьба* и сферы *свет* на примере слов с корнем *зар-*. Заря, как граница между днем и ночью, в обрядовом действе становится символом границы между девичеством и замужеством, например, *зоря* – это ‘песня, которую девушки поют утром и вечером под окном невесты, прощаясь перед свадьбой’: *Мы прокличем, сестрицы, зорю вечернюю*, также ‘песня, которую поют девушки, шьющие невесте приданое «Обошедши всех (богатых родственников), всходят на крышу и поют весьма громко зорю»»; *зори* ‘обряд прощания невесты с подругами на заре»; *зори* играть ‘часть свадебного обряда, когда невеста перед свадьбой на заре поет с подругами: «Ой, зори, вы зори ранние да весенние»; *выкликивание зори* ‘свадебный причет невесты накануне прощания с родней и расставанья с «девьей красотой»»; *зорию оплакивать* ‘часть свадебного обряда, когда за неделю до свадьбы невеста причитает по утрам и вечерам’.

Одновременно с использованием в свадебном обряде эта лексема встречается в текстах похоронного обряда: *проговорить зорю*

в похоронном обряде 'выйдя за ворота, проголосить по умершем'. «Когда покойник на лавке, то родственники его обязаны утром и вечером проговорить зорю».

Материал третьей главы показал, что световая лексика обладает яркой культурной символикой, об этом свидетельствует ее присутствие в широком спектре семантических полей.

В заключении подводятся основные итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения вопроса.

Семантическая история светообозначений показала, что данная группа обладает богатыми семантическими связями, разветвленной семантической структурой, это позволяет охарактеризовать ее как ключевое понятие культуры и как одну из важнейших сфер при описании своеобразия национальной картины мира. Ментальный образ света, который репрезентирован выделенными нами моделями, имеет такие характеристики: 1) яркий, 2) ясный, позволяющий видеть мир, 3) быстро распространяющийся, 4) способный разгораться и способный угасать, 5) имеющий божественную сущность.

Рассмотрение рефлексов и.-е. светообозначений позволило включить в круг соотносимых со светообозначениями слов с такими значениями, как 'мрак', 'темнота', и целым спектром значений, обусловленных семантикой темноты.

В нашем диссертационном сочинении не были рассмотрены специфически диалектные светолексемы, хотя при анализе современных литературных светолексем мы обращались к контексту русских говоров. Аспект сопоставления изученных нами светолексем с диалектными светообозначениями, исследование их в одном комплексе может стать перспективой дальнейшей работы над семантикой светообозначений. Перспективным представляется и расширение группы светообозначений за счет полного включения семантического поля «блеск» в сферу исследования, а также рассмотрение поля «свет» в сопоставлении с полем «тьма» в русле использованных нами приемов. Перспективой может стать изучение других групп лексики с применением подхода, использованного в данном диссертационном сочинении, – исследование современных обозначений какого-либо понятия на более широком и.-е. фоне, в сопоставлении с контекстом другого периода истории языка – индоевропейским или общеславянским.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Царегородцева О. В. История и этимология русских светообозначений - рефлексов славянской основы *svět- / О. В. Царегородцева [и др.] // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 56–60.

2. Царегородцева О. В. Этимологическое гнездо производных от *leuk- в русском языке / О. В. Царегородцева [и др.] // Бюллетень оперативной научной информации «Русский язык: системный и функциональный аспект». Томск, 2006. № 111. С. 87–92.

3. Царегородцева О. В. Этимология и семантика русского светообозначения *сверкать* в русском языке / О. В. Царегородцева [и др.] // Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания: материалы VI Всерос. науч. конф. и регионального науч.-метод. совета по классической филологии, 17-19 сент. 2008 г. Томск, 2008. С. 190–195.

4. Царегородцева О. В. О семантике и этимологии основных обозначений света в классических и русском языках / О. В. Царегородцева [и др.] // Язык и культура: материалы XIX Междунар. науч. конф., 30-31 окт. 2006. Томск, 2008. С. 121–128.

5. Царегородцева О. В. Семантические связи значений света, мира и войны в русском языке / О. В. Царегородцева [и др.] // Исследования мира и миротворческий дискурс в системе образования: материалы II Междунар. конф., 14-15 июня 2007 года. Томск, 2008. С. 78–81.

6. Царегородцева О. В. Отражение семантической структуры и.-е. корня *skāi/*skəi/*ski- «блестеть, мерцать» в русском языке / О. В. Царегородцева [и др.] // Язык и мировая культура: взгляд молодых исследователей: материалы VIII Рос. науч.-практ. конф., 19–20 мая 2008 г. Томск, 2008. Ч. 2. С. 99–106.

7. Царегородцева О. В. К вопросу о семантической реконструкции некоторых производных и.-е. корня *leuk--(о.-с. *lučiti, *lučьjь, *lysъ) / О. В. Царегородцева [и др.] // Язык и мировая культура: Взгляд молодых исследователей: материалы VII Росс. науч.-практ. конф., 19-20 апр. 2007 года. Томск, 2008. Ч. 2. С. 73–75.

8. Царегородцева О. В. К вопросу о семантической реконструкции о.-с. *lučiti / О. В. Царегородцева [и др.] // Студент и научно-технический прогресс: материалы XLV Междунар. науч. студ. конф. 10-12 апр. 2007 г. Новосибирск, 2007. С. 102–104.

9. Царегородцева О. В. Семантика дериватов синонимичных и.-е. корней *bhā-и *leuk- в древнегреческом языке / О. В. Царегородцева [и др.] // Наука и образование: материалы X Всерос. конф. студ., асп. и молодых ученых, 15-19 мая 2006 г. Томск, 2006. С. 101–103.

10. Царегородцева О. В. Семантические процессы в этимологическом гнезде и.-е. корня *bhā- / О. В. Царегородцева [и др.] // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, 22-23 апр. 2005 г. Томск, 2005. Вып. 6, ч. 1 : Лингвистика. С. 111–113.